

Пётр Боборыкин

Из литературного наследия

Окончание. Начало в «РМ» №4218.

Третья Россия

Вот как теперь называют грядущую Русь — то новое и лучезарное, которое волею судеб должно через смертную агонию принять возрождение...

Какое великое упование звучит в этих двух самых простых словах: «Третья Россия»!

И как легко и содержательно укладывается вся громовая судьбина нашей родины в три полосы, из которых каждая содержит свою особенную судьбину — две в прошедшем, одна — в будущем.

Первая Россия — это царизм, со всем тем, [что] самодержавие дало и отняло у нашего государства, у всего нашего народа.

Вторая Россия — большевизм, нашествие «бесов» Достоевского, величайшая внутренняя смута, омут [таких] страданий, распада и рабства, какие [редко] когда-либо выпадали в удел какому-либо народу или стране в Европе даже во времена Аттилы и Тамерлана.

Третья Россия — та возрожденная, вышедшая «из купели паки бытия», как любили когда-то выражаться наши славянофилы.

Но... эта третья Россия, это лучезарное царство свободы, правды-справедливости, равенства и человечности с торжествующей твердыней демократии, где же она находится в данную минуту? Хотя бы даже и в зародыше, даже «в построении», im Werden, как говорят в таких случаях немцы, т.е. хотя бы лишь только — «в становлении»?

Такой вопрос — как бы узнать студеной воды на ту веру, на тот энтузиазм, какие и теперь наша сегодняшняя разруха не могла еще затушить в душах стольких страждущих детей своей родины...

Очерк впервые был напечатан в газете «Последние новости» 5 апреля 1921 г.

Конечно, все мы будем относиться с холодающим скептицизмом к такой вере в грядущее родины. Без такого луча, возрождающего просвета все померкнет и падет перед мертвящим отчаянием и позорным бездушием.

Но надо первое всего: глядеть на жизнь бесстрашно, не бояться самой ужасной правды, не стыдиться никакой самооценки, никакого сознания тех роковых свойств своей национальной психики, которые на две трети лежали в глубинах нашей общей злосчастной судьбы.

Сколько в миллионной русской эмиграции (где теперь весь почти наш культурный класс) и там, внутри страны, среди тех, кто еще не умер с голоду и не потерял еще своего человеческого облика, найдется таких «граждан земли русской», которые полны обновленных чувств, идей, принципов и упований, готовы к великому возрождению общества, готовы сейчас же сбросить с себя «ветхого человека», предать анафеме все сословные недуги, все то, чем царская Русь поддерживала всеобщую гангрену и венчала свой конец гнусным режимом Распутина?

Уже давно в эмиграции, среди тех, кто считает себя настоящими демократами, кто принадлежит к более передовым партиям, раздаются, и печатно, голоса на такую тему, что сама эмиграция полна везде беженцев, которые ждут только реставрации *старого порядка*, что закоренелые монархисты подняли опять голову, что есть даже группы из черной сотни, что повсюду — огорченные сановники, обнищавшие землевладельцы, озлобленные офицеры, капиталисты, лишенные всего. И разве они стали бы мириться с тем демократическим status quo, какое они нашли бы в России, когда им можно будет вернуться туда? И разве все такие элементы принесут с собою новый уклад жизни, где будет царить единение и та возрождающая демокра-

тия, на которую смотрят теперь как на всеобщую панацею?

Где явные признаки того, что дух партий должен внезапно смириться перед одним тем фактом, что царство большевиков наконец пало? А если останется прежняя вражда партий и затяжной ушибе не будет видно конца? А кто встанет во главу новой России? Какой класс, какая фракция, какое социальное вероучение?

Те кронштадтские матросы, которые отчаянно подняли знамя освобождения от деспотической банды, засевшей в Кремле, — разве они были *против* идеи советской России? И они стоят за советы; стало быть — были тоже «большевики»; а только со свободой выборов и экономической жизнью. Они большевики, но не коммунисты; вот разница.

Какой же класс после того, как Кремль будет взят, станет «возглавлять» всю Русь, как нынче любят выражаться? Тот коренной кряж русской земли, крестьянство? Это было бы всего вероятнее. Но крестьянство уже совсем не стоит за фанатический коммунизм марксистов и даже не за те «советские» порядки, какие кремлевская банда вводила так жестоко и в деревне вот уже четвертый год. Мужику нужен — свой, неотчуждаемый кусок земли и полная свобода своего хозяйственного быта. К остальному он пока еще равнодушен. А ведь его, этого самого мужика, — до девяноста процентов населения того, что было еще недавно если не «Великой Россией», то хоть «Великороссией»?

Где же тут задатки той гармонии, без которой лучезарное царство демократии — жалкий призрак? Но и этот призрак, даже и для того, чтобы только провозгласить его в виде простой формулы, нуждается не больше не меньше, как только в том, чтобы над Московским Кремлем развевалось уже что-нибудь другое, а не красное знамя коммунизма.

Все это — если не наверно, *будет*, то есть много шансов, что родина наша должна пройти еще через новое пекло ушибов, и вряд ли кто скажет, что теперь уже родился тот Геркулес, который еще в колыбели своей задушит смертоносную гидру.

Но все это только еще *для нас*, для развалин бывшей Руси; а посмотрите — большевизм давно перешагнул рубеж старой Европы. К тому моменту, когда сдаться Кремль — кто знает! — весь запад Европы или половина ее могут быть охвачены большевизмом? Его ждут и в Германии, и в Италии, и даже во Франции.

Что же тогда будет представлять собою *третья Россия*, когда и запад Европы будет напоен все тем же ядом?